

Чи Юцин тихо вздохнул и улыбнулся, глядя на Дуань Цзинсяня, который упорно отворачивался. Надо же, умудрился вывести его из себя.

Впрочем, за этой редкой вспышкой раздражения скрывалось кое-что куда более важное: его младший дядя переживал, злился и испытывал некое растерянное беспокойство — и всё из-за того, как Юцин относился к Фан Юанью.

Поднявшись с места, Юцин обошёл стол и встал прямо перед Цзинсянем. Тот по-прежнему избегал взгляда, застыл с неприступным, словно скованным льдом лицом, — забился в свою раковину, укрывшись от всего мира. Но Юцин не поддался этой внешней холодности: он отчётливо видел, насколько Цзинсянь натянут и как ему не по себе.

— Фан Юань правда важен для меня, — мягко произнёс Юцин, стараясь успокоить его. — Он мой ученик, да и другом я его считаю. Когда у друга неприятности, ты ведь тоже не останешься в стороне, верно?

С этими словами он слегка пошевелил перевязанной рукой:

— Обещаю: в следующий раз, если будет время, я сначала всё как следует обдумаю, чтобы действовать наверняка и убереечь себя.

За время этой паузы Дуань Цзинсянь успел немного остыть. Выслушав заверения Юцина, он взял себя в руки и наконец перевёл взгляд на юношу:

— Держи слово.

— Обязательно!

Юцин вгляделся в его тёмные, глубокие глаза и тихо добавил:

— Фан Юань мне небезразличен, но и ты тоже. Только это совершенно разное отношение. Поверь, для меня ты навсегда останешься единственным и неповторимым. Никто и никогда не займёт твоё место.

Разве можно сравнивать друга и любимого человека?

У Цзинсяня почти не было близких, поэтому Юцин прекрасно понимал его страх утратить внимание и увидеть, как его отдадут кому-то другому. От этой мысли сжималось сердце: когда человек получает так мало тепла, он отчаянно держится за каждую крупину.

Цзинсянь крепче сжал ручку аптечки. Напряжение, терзавшее его изнутри, постепенно отступило, растворяясь в мягких словах Юцина. Он пытался скрыть свои чувства, но юноша словно читал его насквозь и давал именно тот ответ, в котором тот так нуждался.

Цзинсянь лишь тихо угукнул, не решаясь произнести больше ни слова, чтобы случайно не выдать себя. Ему было неловко: взрослый мужчина, старший, а успокаивать приходится мальчишке.

Юцин уловил, как потеплел голос собеседника, будто ледяной панцирь наконец дал трещину. С улыбкой обняв Цзинсяня, он решил пока закрыть эту тему. Юцин отлично понимал: дядя верит ему, но всё ещё не доверяет Фан Юаню. Что ж, время всё расставит по местам.

Цзинсянь действительно не питал иллюзий на счёт Фан Юаня. То, что он пока не предпринимал никаких мер, было лишь данью уважения к Юцину. Сам он перекинулся с этим парнем от силы парой фраз, да и то в присутствии Юцина.

Поэтому, получив на следующий день предложение о встрече, Цзинсянь искренне удивился. Фан Юань прямо написал, что Юцин ничего не знает и что у него есть разговор без свидетелей.

Отказываться Цзинсянь не стал. Какими бы ни были мотивы Фан Юаня, брошенный вызов следовало принять. Хотя Юцин и уверял, что между ними лишь дружба, некоторые моменты требовали прояснения. С чего вдруг парень, с которым они раньше едва ладили, резко начал звать его «боссом»?

Получив согласие, Фан Юань выбрал небольшую отдельную кабинку в кофейне, где можно было спокойно поговорить. Всю ночь он репетировал эту речь, но теперь, сидя напротив недостижимого и властного бизнесмена, ловил на себе его прохладные взгляды и сжимался от страха, не в силах вымолвить ни слова.

Глава семейства Дуань славился репутацией неприступного «недостижимого цветка» — человека холодного, хоть и не молчаливого, но не склонного церемониться с людьми. Исключением из этого правила был разве что Юцин. Фан Юаню это казалось странным, но, с другой стороны, речь ведь шла о его боссе! А Юцин обладал особым талантом заставлять окружающих считаться с собой.

Цзинсянь никуда не торопился, но, видя, как парень напротив окончательно уходит в себя, поторопил его:

— Собираешься промолчать до самого конца?

— Нет-нет! Извините! — вспыхнул Фан Юань.

От испуга вся вызубренная за ночь речь вылетела из головы, и пришлось импровизировать на ходу. Вцепившись обеими руками в чашку с кофе, он заговорил на одном дыхании:

— Моё прошлое обещание взять себя в руки — это всерьёз! Я буду держаться от Вэй Чуяня как можно дальше, делать всё, чтобы с ним не пересекаться. Со временем он поймёт, что мне абсолютно не интересен. И что касается босса... Я им искренне восхищаюсь, ничего другого! Он мне очень помог, и я никогда, слышите, никогда не сделаю ничего, что могло бы навредить ему. Господин Дуань, можете быть уверены!

Вспомнив о том, что Юцин вообще-то ухаживает за стоящим перед ним мужчиной, он поспешно добавил:

— Мой босс — потрясающий! Пусть ко многим вещам он относится спустя рукава, но ради того, что для него действительно важно, он выложится на все сто. А уж к тем, кто ему дорог, относится лучше всех. На него правда можно положиться! Он замечает то, про что остальные забывают, и берётся за дела, которые другим не под силу. Господин Дуань, поверьте мне: с ним вы никогда не прогадаете!

Цзинсянь наблюдал за тем, как парень от волнения подался вперёд. Глаза Фан Юаня сияли чистым, нескрываемым восхищением. В его чувствах к Юцину не было и намёка на романтический подтекст — лишь искреннее уважение.

Цзинсянь сделал глоток кофе. Когда он снова поднял взгляд, его обычно непроницаемые тёмные глаза слегка потеплели. В этом парнишке хоть и присутствовало лёгкое лукавство, но хитрости в нём явно не доставало. Эта прямолинейная искренность смотрелась даже мило.

Юцин по натуре был скрытен и недоверчив, так что именно такой простой и открытый человек, как Фан Юань, мог составить ему хорошую компанию — они гармонично дополняли друг друга. Если тот действительно решил измениться к лучшему, из него выйдет отличный друг.

Судя по собранным сведениям, их сближение произошло в то время, когда проявилась альтернативная личность Юцина — тогда тот оказал Фан Юаню какую-то помощь. Позже они на годы потеряли связь, восстановив её лишь в последние пару лет. Однако, поскольку личности менялись, менялось и отношение Юцина к нему. Это объясняло, почему Фан Юань цеплялся за эти отношения, несмотря на неприязнь к основной личности Юцина: он просто хранил память о прошлом и отказывался верить, что дорогой ему человек изменился до неузнаваемости. В сущности, их ситуация напоминала отношение самого Цзинсяня к «племяннику» — они оба были привязаны к одному и тому же воплощению Юцина.

К слову, это также означало, что знакомы они уже довольно давно.

Мысль об этом отозвалась внутри Цзинсяня смутным уколом. Он попытался поймать это

чувство, но так и не смог осознать его природу. Время шло, и, убедившись, что парень не представляет угрозы, Цзинсянь решил не забивать себе голову лишними сомнениями. То, что Юцин обзаводится друзьями — только к лучшему.

Впрочем, Фан Юань действительно отличался от того образа, который складывался из отчётов. В нём не было и капли амбициозности — парень казался намного проще и жизнерадостнее. Раньше он слыл бесхребетным и трусливым, сейчас же, хоть и дичился, но чётко понимал, что можно делать, а чего нельзя.

Вот как сегодня: смертельно боясь разговора с главой семьи Дуань, он всё же набрался храбрости назначить встречу ради Юцина и попытался всё объяснить.

Сбросив напряжение, Цзинсянь иронично заметил:

— Слушая тебя, можно подумать, ты пытаешься завлечь инвесторов в студию «Ясный день».

Фан Юань замер в недоумении. Инвесторов? Да вроде нет...

Стоп! Это же шутка! Знак того, что собеседник смягчился и поверил ему!

Заметив, как восторженно заблестели глаза юноши, Цзинсянь добавил:

— А в остальном ты прав: Юцин действительно исключительный человек, на которого можно положиться.

— Вот-вот! — кивнул Фан Юань.

Окончательно расслабившись, он за пару глотков осушил свою чашку и тихо, с лёгкой грустью произнёс:

— Босс потрясающий, вот только... на самом деле он не такой уж жизнерадостный, каким хочет казаться. Иногда мне кажется, что в глубине души он очень... одинок.

Цзинсянь мысленно согласился с ним. Расскажи кому-нибудь, что Чи Юцин бывает одинок, — не поверят. Но те, кто знал его близко, постепенно замечали эту скрытую черту. На вид Юцин казался беспечным, искренним и общительным, а порой — дерзким и холодным, но за этой маской скрывалась отстранённость. Мало кому удавалось пробиться сквозь её панцирь.

Именно поэтому Цзинсянь радовался, что у него появляются настоящие друзья.

— Юцин открывается далеко не каждому, — произнёс Цзинсянь. — Но сейчас у него есть

любимое дело и близкие люди. Со временем всё наладится.

— Я тоже так считаю! Всё обязательно будет хорошо! — улыбнулся Фан Юань и просиял: — Господин Дуань, босс правда очень дорожит вами! Только и слышно от него: «дядя да дядя». Я впервые вижу, чтобы он так пёкся о ком-то!

В конце концов, речь шла о первой любви его босса! Для Фан Юаня Юцин был не просто наставником, а практически старшим братом. Наблюдать за зарождением их отношений оказалось настолько увлекательно, что Фан Юань в полной мере проникся азартом фанатов, шипперящих любимые парочки. Это радовало его куда больше собственного романтического опыта. Чем больше он смотрел на этих двоих, тем чётче понимал: они созданы друг для друга.

Признания Фан Юаня льстили Цзинсяню, хотя странный, пылающий восторгами взгляд парнишки вгнал его в лёгкий тупик. Не найдя объяснения этой реакции, Цзинсянь решил, что ему просто показалось.

После ухода Фан Юаня он не стал спешить. Достав телефон, просмотрел свежее сообщение от ассистента Ся — подробный отчёт о расследовании. Лишь тщательно изучив документы и приведя мысли в порядок, Цзинсянь поднялся и вышел из кафе.

Помытуя о вчерашнем инциденте, Юцин всё раздумывал, как бы снова поднять эту тему в разговоре с дядей. Ему казалось, что у того остался неприятный осадок. Разумеется, раскрыть абсолютно все карты он сейчас не мог, но сгладить неясности следовало обязательно: любые крупные разногласия вырастают из мелких недомолвок.

Однако Цзинсянь опередил его в тот же день, сразу после ужина.

Он пригласил Юцина в кабинет. Едва они сели, Цзинсянь без лишних прелюдий перешёл к делу:

— Юцин, я хотел поговорить о Фан Юане. Я навёл о нём справки: последние полгода он действительно держится от Вэй Чуяня подальше, ведёт себя сдержанно и тихо. Его слова о намерении начать новую жизнь — не пустой звук.

Прислонившись к подлокотнику дивана и слегка подавшись в сторону собеседника, Юцин ничуть не удивился:

— Значит, дядя верит, что он действительно изменился?

Цзинсянь встретил его тёплый, внимательный взгляд. Признание, которое в иной ситуации показалось бы неловким, далось удивительно легко.

— Верю, — тихо произнёс он. — И дело не только в фактах и собственных наблюдениях. Прежде всего, я доверяю твоему выбору.

Если быть точным, именно выбор Юцина стал для него главным аргументом. Подобная эмоциональность была чужда прагматичному характеру Цзинсяня, однако в глубине души он принял решение ещё до сегодняшней встречи с Фан Юанем. Просто из-за скрытой, едва уловимой ревности он не желал признавать этого раньше. Две личности Чи Юцина кардинально отличались: прежней он не доверял, но этому, стоящему перед ним юноше, верил безоговорочно.

Уловив особый подтекст в словах Цзинсяня, Юцин чуть прищурился и с улыбкой спросил:

— А если я ошибся?

— Людям свойственно ошибаться, какими бы умными они ни были, — спокойно откликнулся Цзинсянь. — Главное — принимать решения на основе того, что нам известно сейчас. А если случится непредвиденное... Юцин, я же говорил: ты не один.

Эти простые, уверенные слова отозвались в душе Юцина тёплой волной. Подмигнув ему, он мягко улыбнулся:

— Я верю тебе, дядя.

Цзинсянь коротко кивнул. В это мгновение его обдало странным чувством — будто с неба прямо на плечи упала звёздная россыпь. Опять нечто неуловимое...

«Впрочем, неважно. Наверное, неважно...»

Юцин не стал торопить события и перевёл разговор в другое русло:

— К слову, дядя, ты ведь сегодня виделся с Фан Юанем?

— Как ты догадался? — искренне удивился Цзинсянь.

Покачав указательным пальцем, Юцин с лёгкой гордостью усмехнулся:

— Сопоставил факты! Фан Юань, чтобы не пересекаться с Вэй Чуянем, носа из дому не показывает. А сегодня, пока я увяз в рабочих переговорах, он тихонько испарился. На мой вопрос отнекался, мол, ходил проветриться. Полная чушь! Он жуткий домосед, для него подняться на крышу — уже целое путешествие. К тому же врун из него никудышный. Ясно было, что он с кем-то встречался. А если вспомнить всё, что происходило в последние дни, имя этого «кого-то» вычисляется на раз-два.

Цзинсянь не удержался и мягко коснулся пальцами его щеки, чуть улыбнувшись:

— Проницательный, как всегда. Маленький хитрец.

Юцин прищурился, позволяя погладить себя по щеке. Лишь когда Цзинсянь, опомнившись, убрал руку, юноша с непринуждённым видом спросил:

— И о чём же вы толковали?

Цзинсянь и сам понял, что переступил грань — привычка тискать плюшевые игрушки сыграла с ним злую шутку, когда перед ним оказался сам Юцин. К счастью, парень не выразил недовольства. Более того, создавалось впечатление, что подобная ласка ему даже приятна.

Скрыв неловкость, Цзинсянь ответил:

— Он дал слово исправиться и держаться подальше от Вэй Чуяня. Выглядел вполне искренне. И ещё... наговорил о тебе кучу комплиментов, уверял, что искренне восхищается тобой.

Юцин сразу разгадал манёвр ученика. Бедолага всеми силами старался помочь боссу в делах сердечных — боялся, как бы Цзинсянь по старой памяти не принял заботу о Фан Юане за романтическую привязанность. Как раз об этом Юцин и собирался поговорить.

Удобнее устроившись на диване и закинув ногу на ногу, он поинтересовался:

— И всё? Больше ничего?

Цзинсянь качнул головой, а затем, помедлив, добавил:

— Дома, со мной, ты можешь быть любым. Не нужно глушить в себе раздражение, злость или тоску. Если не хочется улыбаться — не улыбайся. Это нормально.

Юцин серьёзно кивнул. Сердце затопило тёплым светом, а глаза засияли:

— Разумеется. Рядом с тобой я всегда чувствую себя невероятно спокойно.

— Вот и хорошо.

Заметив, что Цзинсянь умолк, Юцин мягко перехватил ту самую руку, что недавно касалась его щеки:

— А теперь, дядя, моя очередь говорить.

Цзинсянь озадаченно взглянул на него.

Не отводя взгляда, Юцин слегка провёл подушечкой пальца по его ладони. Его голос стал чуть ниже, бархатистее:

— Вчера в кабинете я сказал, что никто не сможет занять твоё место в моём сердце. Но это звучало слишком неопределённо. Хочу выразиться... предельно ясно.

Цзинсянь ещё не успел осознать смысл сказанного, как от лёгкого прикосновения к ладони в памяти мгновенно всплыл прошлый поцелуй — невесомый, мягкий и дразнящий.

Это незамысловатое движение выбило искру, которая мгновенно взмыла вверх и рассыпалась в груди пышным салютом. Сердце сладко замерло, отзывавшись мелкой дрожью.

Пользуясь редким замешательством Цзинсяня, Юцин чуть наклонил голову. На его губах играла невинная улыбка, но на дне глаз пылало недвусмысленное, почти властное желание.

Подавшись ближе, он прошептал — искушающе, едва слышно:

— Есть вещи, которые я могу позволить себе только с тобой. Ни с кем другим на свете, даже с самым близким другом... Хочешь узнать, какие?

Цзинсянь поджал губы, чувствуя, что стоит на самом краю ловушки. Разум твердил: отступи, остановись и взвесь всё ещё раз! Но чувство вопреки логике заставило выдохнуть:

— Какие?

Юцин остался доволен. Тихо хмыкнув, он крепко переплёл их пальцы и подался вперёд, давая ответ без лишних слов.

<http://bllate.org/book/20021/1991468>